



КРАСНОЯРСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

ВЫХОДИТ
С 1935 ГОДА

ОРГАН КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО
КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 6 (3530)

14 января 1966 года, пятница

Цена 2 коп.

В ТРУДНОМ И РАДОСТНОМ МИРЕ

Я ЗНАЛ Сашу, когда он и болезнь были неразделимы, но очень важно понять, что не болезнь сделала его «таким хорошим». Мы имели дело с талантливым и сильным человеком, а болезнь превратила его жизнь в экзистенциальную муку. Все мы под впечатлением этой борьбы.

Я приехал с семьей в Красноярск с Урала в декабре 1963 года. Помню: получили квартиру, а багаж еще не пришел, и мы бегали в поисках раскладушек. Гена Родичев «направил» нас к брату, сказав, что Саша болен, но «это ничего»... Очень быстро, буквально со второй-третьей фразы он стал спрашивать меня, кто я. Я рассказал, что по образованию я физик-теоретик, но работаю преподавателем из-за очень плохого зрения, что из-за этого же меня «побоялись» взять на работу в политехнический институт.

Саша предложил подождать с поисками работы несколько дней. «Я выздоровлю к 4-му, и если хочешь, будешь работать со мной», — сказал он мне. Я попытался объяснить ему, какую обузу он на себя берет. Саша на все возражения отвечал мягко, все свелось к «попробуем». Мне очень хотелось вернуться к настоящей научной работе, и меня нетрудно было уговорить.

Через две недели мы впервые говорили с Сашей о деле. Саша в это время был весьма занят, так как у него накопилось около полудесятка готовых (или почти гото-

вых) работ, которым следовало придать форму статей. Несмотря на это, мы встречались каждый день. Я никогда до этого не занимался магнетизмом, да к тому же не мог ознакомиться с ним самостоятельно.

Саша взялся за мое образование. «Лекции» его были скорее беседами, он вводил меня в курс своих работ, говорил о сделанном, о планах. Он начал рассказывать сразу с основной идеи. Я спрашивал, он отвечал, я говорил свою «точку зрения» тут же. Если мои рассуждения были правильными, он хорошо и подробно оправлял их доводами, если же она, моя точка зрения, была неверной (он-то знал это!), он задумывался и отбрасывал ее вместе со мной. Саша писал крупными буквами густым карандашом, и на столе быстро росла пачка бумаги, связанная с моим образованием.

Я думаю, что людей, общавшихся с Сашей, поразили прежде всего мужество и жизнелюбие и даже сам тот факт, что приговоренный болезнью человек работает, смеется, любит... Меня, кроме того, привлекала в Саше удивительная «лояльность» к мыслям любого человека, связанного с ним работой, дружбой или родством. Уже в эти первые недели моего «ученичества» он «спрашивал» меня всерь-

ез и всерьез обдумывал ответы дилетанта!

Еще одна деталь, делающая его «лояльностью» более плодотворной: имеющий с Сашей дело мог быть абсолютно уверен, что Саша не перепутает, кем высказана та или иная удачная мысль. Он терпеть не мог обезлички идей, научного фанфаронства.

Мое ученичество не было долгим. Без тени страха на третьей неделе Саша дал мне задачу и основную идею к ее разрешению. Мы стали работать вдвоем.

Обычно я приходил к Саше домой к 10 часам утра. Саша вставал рано, и я часто заставлял его за работой. Он всегда встречал меня приветливо, весело, шуткой, и это настроение оставалось во все время рабочего дня. Мы обменивались сделанным за вечер вчерашнего дня, за сегодняшнее утро, делились возникшими за это время сомнениями, а иногда и обнаруженными ошибками. Саша легко создавал атмосферу слаженности в работе; работать с ним всегда было легко и приятно.

Обычно Саша работал за столом, реже — лежа, потому что часто его мучили сильные боли, он много и подолгу каплял. В середине дня мы усаживались. Он одевался, и мы прогуливались по улицам Комсомольского

городка. Говорили о разном: о диалектике научного прогресса, об истории, социологии или политике, о далеком и недалеком будущем, о жизни. В руках у нас были трости. И вот на снегу или на земле кто-нибудь из нас начинал чертить: мы снова говорили о деле, о своей работе. Расхаживали обедать, а в три или в четыре я приходил снова. Уходил я в семь, иногда в восемь-девять часов вечера.

Раза два в неделю Саша ездил в институт на теоретический семинар, или поработать в читальном зале. Саша вставал рано, и я часто заставлял его за работой. Он всегда встречал меня приветливо, весело, шуткой, и это настроение оставалось во все время рабочего дня. Мы обменивались сделанным за вечер вчерашнего дня, за сегодняшнее утро, делились возникшими за это время сомнениями, а иногда и обнаруженными ошибками. Саша легко создавал атмосферу слаженности в работе; работать с ним всегда было легко и приятно.

доме всегда была удивительно светлой и бодрой.

Работать Саша продолжал и тогда, когда попал в больницу. Трудно себе представить, что в палату, где лежат несколько тяжело больных, можно перенести кабинет ученого. Но Саша умел убедить врачей, медсестер, что заниматься ему совершенно необходимо. В какой бы клинике он ни лежал, будь это в Москве или Красноярске, его всегда навещали друзья-физики, и Саша умел вести с ними споры, дискуссии и даже обсуждать новые работы. Нужна была Сашина изобретательность, такт, увлеченность делом, чтобы по продуктивности больничных дней не отличался от обычного.

Душевные, гражданские силы Саши Родичева были велики и всегда действенны. Трудно поверить, например, что Саша часто ездил в командировки, но это так. У него всегда было что сказать на научных конференциях, но главное, он не боялся выставлять свои работы на так называемый «общественный просмотр», он всегда стремился к практическому отклику на то, что он делал. В нем не было того, что называется келейностью, снобизмом ученых. Проблема, всегда была крупнее, значительнее сама по себе, чем

то, что о ней говорил докладчик — так выступал Саша. Для него самым важным было дело, суть дела. Летом прошлого года Родичев выступил на Всесоюзном совещании по физике ферро- и антиферромагнетизма в Свердловске. Этот доклад был заявкой на докторскую диссертацию, которую Саша должен был защищать в нынешнем, 1966-м году.

Саша был человеком обаятельным. У него быстро возникали добрые, сердечные отношения с людьми. К нему тепло, с симпатией относились врачи московских и красноярских больниц, молодые ученые разных городов, с которыми Саша встречался на научных конференциях, известные в стране физики профессор К. М. Поливанов, доктор физико-математических наук М. И. Каганов, член-корреспондент АН СССР С. В. Вонсовский.

Это был человек, который умел делать свою жизнь полной и счастливой, умел одаривать счастьем других. Он вошел в мою жизнь два года назад и изменил ее, вернув меня к любимому делу. Я рассказал о человеке, которого глубоко уважал и искренне любил.

Р. Г. ХЛЕБОПРОС,
мл. научный сотрудник
Института физики СО
АН СССР.